

ВОПРОС О МОНЕТАХ «неизвестного народа»

Среди находок боспорских монет, которые, как известно, чеканились из золота, электрона и меди, встречаются одиночные находки монет низкопробного серебра, по всему своему характеру отличающиеся от известных типов монет Боспора. Эти монеты, имеющие в большинстве случаев очень неясный и смутный рисунок на лицевой стороне, на оборотной стороне воспроизводят обычно изображение воина с копьем, превратившееся на ряде монет в некую геометрическую фигуру.

Монеты эти находили, обыкновенно, в одиночных экземплярах, но в 1933 г. близ г. Новороссийска, в 5—6 км от города, к северу от него, в горной ложине был найден клад этих монет в небольшом глиняном горшке. Находчик роздал часть этих монет. Но научному работнику местного музея Г. Ф. Чайковскому и автору этой статьи удалось разыскать находчика и приобрести оставшиеся монеты, в числе 23 штук, для Новороссийского музея. Небольшой же глиняный сосуд, содержавший монеты, не сохранился, так как находчик его уничтожил, но из общего его описания ясно, что он относился к тем темносерым небольшим сосудам, которые нам известны из ряда находок на Северном Кавказе и особенно часто встречаются на берегах Кубани среди фрагментов керамики из остатков поселений и сторожевых пунктов, датируемых обычно эпохой позднего римского времени. Найденные монеты, как это видно по рисунку, не однотипны и носят следы разнообразных штемпелей.

Этим своеобразным монетам, встречающимся в находках на территории бывшего Боспорского государства или около его границ, но совершенно не гармонирующим с установленной чеканкой монет Боспора, не было собственно уделено специального внимания. О находках этих монет изредка упоминали наши историки и археологи, давая им краткое толкование. Например, академик Келлер опубликовал сообщение о находке такой монеты, которую он приписал синдам, т. е. одному из племен, живших вблизи Таманского полуострова.

В «Древностях Босфора Киммерийского» фигурирует изображение четырех подобных монет под рубрикой: монеты «варварских народов», находимые в районе Керчи.

Б у р а ч к о в издал изображение трех таких монет в IX т. «Записок Одесского общества». Причем он объяснял рисунок на лицевой стороне, как солнце, напоминающее Сварога, бога языческих славян.

А. В. Орешников в своей работе: «Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья» — опубликовал 23 изображения этих монет.

Свои суждения А. В. Орешников об этих монетах свел к следующим выводам:

1. Часть этих монет скопирована с римских динариев II—III вв.
2. Выпуск этих монет он предположительно относит к IV—V вв.
3. Разнообразие штемпелей говорит, несомненно, о многочисленности народа, среди которого монеты обращались.
4. Употребление на монете, в отдельных случаях, эмблемы креста указывает, как заявляет А. В. Орешников, что народ был христианской религии.
5. Народ, среди которого эти монеты обращались, были готы.

Эти положения, высказанные А. В. Орешниковым, едва ли можно принять полностью, как объясняющие характер и происхождение этих монет.

Первое: считать эти монеты принадлежащими готам нет никакого основания. Самый факт появления готов в районах Боспорского государства еще недостаточен для того, чтобы связать их имя с чеканкой монеты, напоминающей римский динарий.

Второе: употребление на нескольких известных экземплярах эмблемы креста весьма мало доказывает связь этой монеты с христианством.

На лицевой стороне монеты встречаются обычно самые разнообразные линейные рисунки: то в форме волнистых параллельных линий, то в форме многоконечной звезды, то в виде затейливых штрихов. Поэтому едва ли правильно указанной эмблеме давать какое-либо значение, как это сделал А. В. Орешников.

Большое значение в изображении на лицевой стороне имеет факт попытки воспроизвести изображение человеческого лица, которое в большинстве случаев удается здесь слабо: лицо получает неестественно длинный нос, контуры лица сливаются с массой других линий. Художнику не удается воспроизвести человеческое лицо. Между тем, в этом изображении приходится видеть попытку изобразить бюст, напоминающий на римских монетах бюст римского императора. На некоторых монетах, особенно на монетах Эрмитажа, эта попытка развивается несколько успешнее, и мы действительно видим на лицевой стороне такого рода монеты ясное воспроизведение бюста. Но затем этот бюст в руках неумелых мастеров настолько потерял свой первоначальный характер, что Бурачков принял это изображение даже за солнце. А по существу это только ряд разнообразных волнистых линий.

Третье указание А. В. Орешникова на то, что разнообразие штемпелей свидетельствует о многочисленности того народа, среди которого обращалась эта монета, едва ли основательно; разнообразие штемпелей говорит просто о несовершенстве матриц, очевидно, портившихся при чеканке этой монеты и заменявшихся новыми.

Верным надо признать мнение А. В. Орешникова, что эти монеты являются копиями римских динариев.

Мало того, следует присоединиться к мнению А. Н. Зографа, который, просматривая эти монеты в Государственном Эрмитаже и сравнивая их с римскими динариями, приходит к выводу, что в данном случае имеется не только копия римского динария вообще, но в частности именно динария Септимия Севера, который служил образцом для первичной чеканки этой монеты.

Поэтому здесь не часть этих монет скопирована с римского динария, как говорит А. В. Орешников, а все они являются копиями

римской монеты и, пожалуй, их заменой. Но в то время как первые выпуски этих монет ближе придерживались оригинала, и лицевая сторона имитировала воспроизведение императорского бюста,— последующие выпуски все более и более отходили от своего образца и импровизировали лицевое изображение монеты в форме различных линий.

Указанные монеты имели хождение на территории Боспорского государства в последние века его существования, рядом с монетами

боспорской чеканки. В связи с этим можем отметить следующие моменты:

1) Монета эта, низкого билонного качества, резко отличается по своему металлу от боспорских монет, чеканившихся из золота, электрона и меди. Из меди почти исключительно чеканились все монеты в последние века Боспора; чеканка же серебряной монеты, принятой в Риме, Боспору не была известна.

2) Существование этого сорта монет, рядом с боспорскими монетами, могло быть вызвано какой-то особой потребностью в монетах, соответствующих по своему характеру римскому динарию.

3) Отсутствие надписи и изображения римского императора или боспорского царя на монетах делает эти монеты не регалией определенного правителя, а своего рода монетным знаком, как бы дополнявшим известную признанную чеканную монету, которую они напоминали, т. е. динарий.

Кто же чеканил эту монету, существовавшую рядом с боспорским денежным обращением?

Приписывать это народу, длительно здесь пребывавшему—синдам, или народу, вторгнувшемуся сюда, как, например, готам и вандалам (как это отметил Бурачков), или же просто неизвестному народу, выдвигая здесь механический, только этнический признак,—едва ли правильно. Выпуск такого рода монет диктовался определенными экономическими условиями. Очевидно, эта монета выпускалась определенными органами государственной власти.

Сомнительно, чтобы монеты выпускались временными захватчиками, например аланами, которые, насколько известно, в это время проявляли активность в этом районе. Победители, облагая население реквизицией, данью, едва ли нуждались в выпуске своих денег для платежей населению.

Выпуск монет скорее был сделан властью союзника, заинтересованного в известной поддержке Боспора, экономическое положение которого в это время было близко к катастрофе.

Выпускаяшая эту монету организация, так же, как и Боспор, где денежное обращение установилось за 900, приблизительно, лет до рассматриваемого нами момента, была, несомненно, хорошо знакома и с техникой и с экономикой эмиссии, что едва ли можно сказать для этого времени об аланах, готах и других народах-завоевателях, подходивших к границам Боспора.

Отсюда напрашивается предположение: не выпускал ли эту монету сам сюзерен Боспора—Рим, в лице своих представителей?

Вспомним, что римские войска и римские военачальники в это время находились на этой далекой окраине Римской империи. Последнее известно из некоторых надгробных надписей над могилами римских воинов, а также из надписей о реставрации находившихся в устье реки Танаиса, т. е. Дона, укреплений римскими строителями конца II—начала III в. (Inscr. Gr. Orae Sept. Pont. Eux., т. II, 423, 427, 428, 431, 433, 434).

С другой стороны, на укрепление азиатской стороны Боспора было обращено в это время немалое внимание. В № 2 журнала «Советская

археология» за 1937 г. мы опубликовали данные о Краснобатаре́йском Городище, отстоящем в нескольких десятках километров от места находки новороссийского клада. Из этих данных видно, что здесь была крепость, валы которой ясно видны и сейчас и вход в которую был украшен плитой со знаком правителя Боспора—Тиберия Юлия Эвпатора (154—173 г. н. э.); здесь также существовал укрепленный вал, следы которого сохранились до последнего времени.

Обилие находимых в этом районе монет, относящихся к правителям Боспора этого времени, например Савромата I, Рескупорида II, Котиса II, на которых воспроизведены военные мотивы, характеризующие воинские успехи Боспора, говорит за то, что район этот в то время был ареной напряженной военной деятельности Боспора, защищавшего свои границы от натисков со стороны Северокавказских степей, и, возможно даже, что указанное городище было известного рода военным поселением.

Многочисленные, известные по остаткам городищ форпосты по среднему течению р. Кубани являлись стоянками войск или передовыми наблюдательными пунктами в это позднееримское время.

Все это может свидетельствовать о том, что в это время напряженного состояния Боспора, защищавшего свои границы от натиска наступавших на него племен, он мог получать и получал помощь и поддержку от Рима, заинтересованного в задержке натиска на Боспор. Помощь эта оказывалась как техническая, что видно из сооружения укреплений римскими архитекторами, так, очевидно, и материальная, в форме не только присылки сюда оружия и различных предметов¹, но и в виде участия римских военачальников и воинов, что подтверждается указанным фактом находок погребальных стел с соответствующими надписями.

Если мы представим себе, чем было в это время римское войско, и вспомним характеристику его, сделанную Фр. Энгельсом («Бруно Бауэр и раннее христианство», Соч., т. VIII, стр. 50), говорившим, что «оно гораздо более похоже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско», то нам станет ясным, что едва ли дешево было содержание такого рода воинов на далекой боспорской окраине.

Между тем, состояние и римской и боспорской казны было далеко не блестяще. А мы знаем, что в это время господства армии в Риме оплата воинов вообще была высока и все время росла. В первые времена империи она определялась в 225 динариев, при Домициане (81—96 гг.) она составляла 300, а при Септимии Севере (193—211 гг.) поднялась уже до 500 динариев.

Возить эту оплату из Рима на Боспор было далеко, да, возможно, и небезопасно, так как мы знаем, что на Черном море нередко господствовали пираты. Об этом говорит Тацит (Hist., III, 47), об этом свидетельствует надпись на плите (IOSPE, II, № 423), отмечающая успешную борьбу боспорского правителя Савромата II с пира-

¹ В названном Краснобатаре́йном Городище найдены нами гвозди и железный замок античного типа, несомненно, импортного производства.

тами в конце II в. н. э. В силу всего сказанного не могла ли возникнуть мысль чеканить монету, подобную римскому динарию, на месте, поскольку это было возможно, в зависимости от наличия металла и мастеров. Это допускало бы своевременный расчет с воинами, с одной стороны, а с другой стороны—облегчало бы положение, так как боспорское правительство едва ли могло оплачивать содержание римских воинов. К тому же в III в. монета Боспора становилась часто низкопробной, а те, кто получал плату, требовал ее в римском исчислении.

Что касается технической стороны выполнения этих монет, то, очевидно, они сначала чеканились по образцу динария, потом следующие выпуски копировались с предыдущих. Если мы первоначально видим на лицевой стороне нечто похожее на греческое лицо, очевидно, долженствовавшее воспроизвести бюст императора, то затем это заменяется рядом волнистых линий. Это можно объяснить так: с одной стороны, мастер не обладал искусством воспроизвести изображение черт лица императора, с другой стороны—смена императоров и невозможность, пожалуй, получить точные их изображения на отдаленной окраине, куда и не всегда своевременно приходили даже известия об их сменах, происходивших иногда довольно часто, заставляли как-то заполнять лицевую сторону монеты. Это может служить объяснением для изображения на лицевой стороне какой-то нелепой фигуры.

Что касается до оборотной стороны, то прежде всего здесь нет обычного для боспорских монет изображения боспорского правителя, как это имело место в I в. н. э., когда на боспорских монетах воспроизводились изображения и римского императора, и боспорского правителя. Но зато все монеты имеют изображение воина. Это изображение было, прежде всего, легко исполнимо мастером, а с другой стороны—оно прекрасно соответствовало цели выпуска монет для тех, кто был здесь хозяином положения, что и отразилось на соответствующих штампах.

Что касается даты начала выпуска этой монеты, то не приходится согласиться с мнением А. В. Орешникова, видимо подгонявшего эту дату к IV—V вв. в целях оправдания своего взгляда на готское происхождение этой монеты. Из приведенных нами некоторых данных видно, что конец II и начало III в. были как раз моментом, когда сооружались укрепления в устьях Танаиса, когда на азиатской стороне Боспора шли большие оборонительные работы. К этому времени относится и эпоха правления Септимия Севера (ст 193 до 211 г. н. э.), при котором, как известно, снизилось качество чеканившейся в Риме монеты.

Если признать при этом, что именно динарий Септимия Севера послужил копией для чеканки рассматриваемых нами денежных знаков, то явится весьма правдоподобным, что первый выпуск этих знаков на территории Боспорского государства может быть отнесен к этому времени, т. е. к началу III в. н. э.